

СИБИРСКАЯ ЖИЗНЬ

Воскресенье, 28-го сентября 1903 года.

Киргизскія могилы.

Киргизы и монголы многими чертами рѣзко между собой различаются. Киргизы пѣвучи, монголы—анти-музыкальны. У киргизов национальное чувство живетъ полной жизнью, у монголовъ оно подавлено буддизмомъ. Можно было бы указать на множество контрастовъ въ образѣ жизни этихъ двухъ народовъ, въ ихъ общественномъ строѣ, въ ихъ типахъ, въ умственныхъ способностяхъ.

Большая разница и въ похоронномъ обрядѣ. Монголы не хоронятъ своихъ покойниковъ; они выносятъ тѣло покойника въ степь, кладутъ на землю и оставляютъ на ея поверхности, не зарывая и не забрасывая землей; тѣло уничтожается волками и собаками. Поэтому вы ѣдете по Монголіи, дѣлаете сотни версты, и нигдѣ не видите не только кладбища, не увидите нигдѣ и одинокой могилы. Киргизы хоронятъ покойниковъ въ землю; бѣдные насыпаютъ надъ могилой бугоръ*), а богатые строятъ надъ могилами сооружения капитальнѣе тѣхъ, въ которыхъ сами живутъ; тогда какъ живые киргизы живутъ въ переносныхъ войлочныхъ юртахъ, для покойниковъ они строятъ мавзолеи изъ сырцового кирпича. Большею частью эти могильные памятники имѣютъ видъ четырехъугольных кремлей съ четырьмя башнями по угламъ. Другіе же получаютъ форму, напоминающую мусульманскій храмъ, т. е. имѣютъ видъ четырехъугольнаго зданія, прикрытаго куполомъ. Мѣстами эти могилы скопляются и образуютъ некрополи.

На нашихъ рисункахъ представлены оба типа: одинъ изображаетъ могильный памятникъ въ видѣ городской стѣны съ угловыми башенками; онъ перерисованъ съ фотографіи г. Ш., снятой съ могилы въ Бель-агацкой степи около Семипалатинска; другой съ куполомъ, срисованъ въ 1876 г. съ могилы, построенной на степи къ в. отъ Зайска.

Монголы такіе же кочевники, какъ и киргизы; и они также не строятъ для себя постоянныхъ жилищъ, но на ихъ территоріи встрѣчаются постоянныя постройки—это храмы. Можно сказать, что монголы изучаютъ архитектуру прочныхъ построекъ только для боговъ, киргизы только для мертвыхъ.

Вся степь киргизская устѣна могилами, которая не рѣдко, если поставлены на высокомъ мѣстѣ, служатъ для путешествующихъ степными маками. Голова вожака каравановъ бываетъ наполнена представленіями объ этихъ могилахъ и свѣдѣніями, гдѣ въ какомъ разстояніи отъ какой могилы проходятъ дороги, какая вода и кормъ около какой могилы и пр.

Монголѣ умереть и память объ немъ скоро исчезаетъ въ средѣ, въ которой онъ жилъ; нѣтъ могильного памятника, который бы напоминалъ объ немъ, заставляя бы повторять его имя и подавая поводъ его современникамъ разсказывать новому поколѣнію о событіяхъ жизни покойника. Можетъ быть для послѣдующихъ поколѣній жизнь человека прошла и не безцѣльно, можетъ быть въ правахъ и идеяхъ благодаря ему появилось что-нибудь и новое, но это будетъ существовать безъ связи съ его именемъ. Для монгола нѣтъ личной памяти въ грядущихъ поколѣніяхъ.

Иначе въ киргизской средѣ. Здѣсь память объ оконченной жизни не сразу исчезаетъ изъ народной памяти. Въ теченіи многихъ десятилѣтій она ей напоминаетъ сооруженная надъ тѣломъ покойника „могд“ и киргизская степь устѣна такими воспоминаніями о прожитыхъ жизняхъ. Мы сказали, что „могд“ или могильные монументы служатъ маяками для каравановъ и „кошей“**); у киргизовъ мертвые какъ будто и послѣ своей смерти продолжаютъ жить между живыми и помогаютъ имъ своими указаніями.

Монголы не дорожатъ своими покойниками; ихъ не интересуютъ собственное ихъ прошлое; ихъ взоры обращены всецѣло въ будущее. По этому все национальное у нихъ въ забросѣ: родной языкъ не обрабатывается, исторія не изучается, преданія забываются. Родовой бытъ не оставляетъ слѣда; имена родовъ или „костей“ т. е. родовыхъ фамилій народной памятью утрачены. Монголѣ не умѣетъ отвѣтить, къ какому онъ роду принадлежитъ, а тѣмъ менѣе онъ можетъ сказать, кто были его предки.

У киргизовъ благодаря живости воспоминанія о прошломъ родовой бытъ существуетъ въ большой сохранности; вы не только не найдете киргиза, который бы не сказалъ, какого онъ „ая“, т. е. какого рода: Аргышъ или Найманъ или Кирей, но почти каждый киргизъ сумеетъ перечислить семь

зываютъ киргизскими, тогда какъ въ киргизской степи этимъ именемъ слѣдуетъ называть современные могильные памятники.

Нѣкоторыя древнія могилы извѣстны на всю киргизскую степь, наприм. могилы Илгѣ въ акмолинской области и Козу-Курпешъ въ семипалатинской. Первая имѣетъ видъ насыпи изъ камней, сложенной на вершинѣ горы, получившей свое имя отъ могилы. Второе—зданіе, сложенное изъ дикаго камня; обѣ обонхъ, впрочемъ, точно не извѣстно, дѣйствительно—ли это могилы. Съ обонми сооружениями связаны интересныя преданія. Идыги былъ царскій слуга, въ котораго влюбилась царица; она не получивъ отвѣта на свою любовь, оклеветала его передъ царемъ, вслѣдствіе чего юноша долженъ былъ спасаться бѣгствомъ. Козу-Курпешъ былъ несчастный любовникъ; его суженная красавица Баянъ-Слу была просватана за раба Кодара; этотъ соперникъ убилъ Козу-Курпеша, но все таки не получилъ красавицы; она заколела себя ножомъ.

Похороны у киргизовъ сопровождаются поминками, которые имѣютъ видъ большаго съѣзда людей съ состязаніями въ скачкѣ лошадей, въ борьбѣ и бѣгѣ людей и пр. У монголовъ тоже есть подобныя „игры“, но онѣ не имѣютъ значенія поминковъ, а совершаются періодически при монастыряхъ, какъ часть религіознаго чадья, черезъ извѣстные промежутки времени. У киргизовъ же эти игры не мусульманскія, а національныя обычаи, исполняемый по частной, а не по общественной инициативѣ**).

Нѣкоторыя киргизскія тризны оставили по себѣ память въ народѣ колоссальностью своихъ расходовъ. Въ акмолинской области въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія прославились поминки Баяна, перваго баяна того времени, владѣвшаго десятками тысячъ лошадей. На его поминкахъ было убито для угощенія гостей до семидесяти кобылятъ. На подобныхъ поминкахъ кромѣ состязаній въ скачкѣ и борьбѣ устраиваются и состязанія пѣвцовъ и поэтовъ въ импровизаціи. Во времена Сапака въ ордѣ умы волновались вопросомъ, подчиниться-ли покорно русской власти или дать русскому вліянію отпоръ. Степь раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря: сторонниковъ русскаго вліянія и сторонниковъ независимости или можетъ быть сторонниковъ Туркестана; эта партія независимыхъ называлась „Акъ-арка“, — „бѣлый хребетъ“. Вслѣдствіи эти волненія превратились въ бунтъ, который долго волновалъ степь. Началъ бунтъ Сарджанъ, но онъ очень скоро погибъ; начатое дѣло продолжалъ его братъ Кенисара. Степь бунтовала непрерывно въ теченіи шестнадцати лѣтъ и замирала только съ смертью Кенисары.

Обѣ партіи русская и независимая на поминкахъ Сапака выставили своихъ представителей пѣвцовъ; русскую партію представлялъ пѣвецъ Утебай; имя представителя партіи Акъ-арка не помню; можетъ быть я его и не слышалъ. Эти два поэта на поминкахъ Сапака предъ огромнымъ собраніемъ народа отчаянно диспутировали импровизованными четверостишіями подъ аккомпаниментъ балаала, стараясь въ нихъ доказать, что гибель ждетъ киргизскій народъ, если онъ приметъ сторону противной партіи.

Г. П.

Енисей въ среднемъ теченіи.

(Выше Красноярска).

Выходя изъ предѣловъ Китая, Енисей прорѣзываетъ Саяны. Извиваясь въ горахъ, огибая одинъ мысъ за другимъ, онъ кажется замкнутымъ горами со всѣхъ сторонъ; онъ течетъ здѣсь „въ трубѣ“ по мѣстному выраженію.—Дикая скалы и горная тайга, шумъ горныхъ рѣчекъ и пороговъ

Рѣка Енисей у устья Бирюсы.

своихъ предковъ или болѣе, начиная отъ отца до первоначальнаго предка рода, а нѣкоторые хранятъ въ своей памяти цѣлыя генеалогическія деревья съ многочисленными ихъ развѣтвленіями. Вообще прошлое имѣетъ большее значеніе въ киргизскомъ мірѣ. Названія нѣкоторыхъ могилъ у киргизовъ обратились въ названіе мѣстностей*).

Кромѣ могилъ, принадлежащихъ современнымъ киргизамъ, въ киргизской степи встрѣчаются болѣе древнія могилы, сложенные какимъ-то неизвѣстнымъ народомъ. Онѣ имѣютъ видъ простыхъ насыпей изъ камней или глины; киргизы въ отличіе отъ современныхъ называютъ ихъ „обо“; это имя они заимствовали, конечно, у монголовъ, но монголы именемъ „обо“ называютъ не могилы, а пустыя насыпи, служащая выраженіемъ благочестія. Въ Монголіи такъ же есть древнія могилы того же типа; монголы называютъ ихъ „киргизскими могилами“. Такимъ образомъ выходитъ, что монголы слово „обо“ прилагодили къ современнымъ сооружениямъ, а киргизы къ древнимъ; древнія же могилы монголы на-

*) Могила по киргизски *могд*.

**) Кошъ—кочушная толпа.

*) Акмолинская область получила свое названіе отъ того, что городъ Акмола построенъ на мѣстѣ, гдѣ стояла прежде видная изъдалека бѣлая могила (по киргизски *акъ-мола*).

**) Киргизы прочтутъ постройки и игры предвѣщаютъ мертвымъ; монголы и то и другое представляютъ богамъ.

дають величественную, но дику и угрюмую картину. Несколько рыбацких избушек на протяжении сотен верст—вот все, что напоминает здесь о человеке.

Чтобы видеть эту часть Енисея, надо сдѣлать орудный путь въ ибскою сотъ верстъ, проѣхавъ черезъ Сайны верхои и затѣмъ спустившись на плоту („саликѣ“) внизъ по теченію. Сбитый горами Енисей течетъ здѣсь даже въ невысокую воду со скоростью верстъ 12 въ часъ.

Изъ числа пороговъ, которые приходится проходить саліку, наиболѣе внушительный и грозный видомъ отличается „Большой порогъ.“—Здѣсь править невозможно и греби совсѣмъ выдергиваются на плоть, потому что ихъ изломало-бы волной. Искусство лопмана заключается въ томъ, чтобы при входѣ въ порогъ направить салікъ въ надлежащую струю.

Ревъ порога, мощные водяные валы, заливающие салікъ, близость камней, могущихъ мгновенно обратить плоть въ щепки, невозможность управлять плотомъ, въ то время когда онъ мчится по быстринѣ—все это обуславливаетъ обманчивое представление о времени прохождения черезъ порогъ, которое въ действительности продолжается 15—20 секундъ. Вздохомъ облегчения и размахиваемыми крестами выражается настроеніе пунтиковъ послѣ того, какъ греби снова спущены въ воду.

По мѣрѣ приближенія къ первому жилищному мѣсту, къ деревнѣ „Означенной“, горы становятся ниже, отложе, линіи ихъ мягче, волнисты. Горизонтъ открывается все больше и больше. Переходъ къ степной мѣстности выстѣтъ съ тѣмъ часто является переходомъ отъ дождей, тумановъ и сырости горной тайги къ безоблачному небу, къ веселой улыбкѣ солнца.

Русло рѣки расширяется, течение становится медленнѣе, но все-таки на быстрыхъ мѣстахъ въ то время, когда греби не работаютъ, и не мѣшаютъ своимъ шумомъ, еще слышенъ порой характерный звукъ частаго отрывистаго шелканья. Выберите на берегу мѣсто, гдѣ течение быстро и вода прозрачна: вы услышите здѣсь тотъ-же звукъ, а присмотрѣвшись сквозь воду, увидите и его причину: это целкаютъ одинъ о другой камешки, перекачиваемые теченіемъ и округляющиеся одинъ о другой.—Не всякая рѣка дастъ въ прибрежной галькѣ такое разнообразіе отшлифованныхъ рѣкушо горныхъ породъ въ такихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ красивыхъ и яркихъ окрасокъ. Здѣсь есть въ чемъ поработаться минералогъ.

Отъ „Означенной“ до Красноярска Енисей проходитъ верстъ 600 уже жилими, населенными мѣстами, болѣею частью Минусинскимъ уѣздомъ. Хотя этотъ уѣздъ слѣдуетъ сибирской Италіей (зрѣютъ арбузы и дыни, если ихъ не побьетъ морозомъ) и сибирской житницей (сплавляютъ хлѣбъ, если уродится, а въ случаѣ неурожая не хватаетъ запаснаго хлѣба на сѣмена), тѣмъ не менѣе населенность этого сибирскаго эдема весьма относительная, сибирская. Десятка четыре селеній и одинъ городокъ (Минусинскъ) пріютились здѣсь по берегамъ Енисея. Нерѣдко берега пестрятъ клѣтками пашенъ, нерѣдко видны на берегу гурты скота, но много мѣстъ и совершенно пустынныхъ, безлюдныхъ.

Мѣстами, особенно къ Красноярску, выражаетъ довольно опредѣленно гористый характеръ береговъ, не лишенныхъ и лѣса, но въ общемъ холмистые берега, часто безлѣсные, чередуются съ лощинами, съ нависшими скалами, съ прибрежными займищами и островами, покрытыми топольникомъ и ивнякомъ; вдалекѣ видны горы.

На прибрежныхъ скалахъ у самой рѣки или въ отдаленіи, гдѣ когда-то было русло, бросаются въ глаза обнаженные напластованія то горизонтальныя, то съ болѣе или менѣе крутыми уклонами. Порою видны сдвиги напластованій и рѣзкія измѣненія уклоновъ; иногда напласто-

ванія скалы продолжаютъ на горѣ черезъ лошину, очевидно, возникшую послѣ того какъ гора и скала составляли одно цѣлое.

Каменные скалы, вѣчны по сравненію съ человеческой жизнью, носятъ на себѣ явные слѣды разрушенія въ видѣ выщербленныхъ кусковъ и фантастическихъ трещинъ. Зимой, когда надъ подыльми стоитъ густой черный туманъ, когда въ нѣмыхъ мѣстахъ быстрое теченіе, а можетъ быть и подземные ключи проѣдаютъ ледъ, когда дорогѣ мѣшаются и торось, и наледи, дорогу нельзя проложить вездѣ, гдѣ угодно и она нерѣдко прокладывается у подножія скалы.—Въ такихъ случаяхъ по обѣ стороны дороги и на самой дорогѣ часто видны сорвавшиеся камни, иногда каменные глыбы, лежащія на льду. Чаще всего валятся камни послѣ бури, когда вѣтеръ даетъ послѣдній толчекъ куску скалы, подтопленному водою и воздухомъ.

Однажды около Улаза сорвался громадный осколокъ скалы. Поднявшейся волной воды смыло съ противоположнаго берега рѣки нѣсколько штукъ скота.

Киргизская могила на Зайсанской степи.

Киргизская могила на степи Бель-Агачъ.

Енисей своеобразно красивъ. Въ раскрывающейся панорамѣ вдали всегда видны синеватая и розоватая горы и скалы; ближе—безконечно разнообразная сочетанія горъ, холмовъ, острововъ, отвѣсныхъ обрывовъ, постоянное измѣненіе контуровъ берега, то мягко закругленныхъ, то угловатыхъ, изломанныхъ.

Весною лодку несетъ со скоростью верстъ десяти въ часъ; грести почти нѣтъ надобности, но надо знать дорогу и внимательно слѣдить за направлениемъ водяной струи, чтобы лодку не затянуло въ какую-нибудь протоку, на мель, по которой съ шумомъ мчится вода, въ кусты, гдѣ прибывшая вода нашла себѣ дорогу. Если мостъ упирается и лодка не направлена куда слѣдуетъ, то бороться съ теченіемъ уже почти невозможно.

Въ хорошую весеннюю погоду, когда лодку несетъ теченіемъ по вѣтрному пути и можно сложить весла, около лодки разбѣгаются круги быстрого течения и скользятъ воронки тамъ, гдѣ струи сталкиваются. Передъ глазами проходитъ дивная картина съ быстро измѣняющейся перспективой, полная свѣта, красокъ и спокойнаго величія; тишина нарушается временами шумомъ и всплесками надъ подводными камнями, роко-томъ воды на отмели или журчаньемъ ея въ

кустахъ, да крикомъ чайки. Эту картину хочется сохранить въ воспоминаніи во всей ея полнотѣ, вмѣстѣ съ ласкающимъ воздухомъ, съ запахомъ тополя, черемухи и луговъ.

Енисей сравнительно глубока. На Волгѣ пароходъ движется порою томительно медленно, ощущая каждый шагъ наметкой. На Енисей такихъ меліхъ перекатовъ почти нѣтъ, хотя въ очень малую воду пароходы до самаго Минусинска не доходятъ. Съ прошлаго года на Енисей устанавливаются навигаціонные знаки и фонари.

Пять—шесть пароходовъ рейсируютъ между Красноярскомъ и Минусинскомъ, при томъ иногда чередуясь рейсами въ Енисейскъ. Срочнаго пароходства до сихъ поръ нѣтъ, и пассажиры съ попутныхъ пристаней нерѣдко ждутъ пароходъ двое—трое сутокъ, томимъ ожиданіемъ гдѣ-нибудь на берегу при отсутствіи элементарныхъ удобствъ.

Мѣстная публика не избалована вниманіемъ пароходовладѣльцевъ, которые не затрудняютъ себя извѣщеніями объ отходѣ пароходовъ съ конечныхъ пунктовъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ есть телеграфъ (Абаканскі, Новоселово), справедливо разсуждая, что кому нужно—подождетъ и парохода не минуетъ.

Пароходы болѣею частью не слишкомъ торопятся. Утомленная команда, не имѣющая комплекта для должной сѣмьи, нерѣдко ищетъ возможности заночевать подъ предлогомъ темноты и двинуться въ путь хоть сколько-нибудь позже, чѣмъ слѣдуетъ. Истомленнымъ людей нельзя винить за это.

Изъ Минусинскаго уѣзда сплавляютъ въ Красноярскъ на баржахъ, баркахъ и плотахъ хлѣбъ, скотъ, сѣно, арбузы, валенки, желѣзо, соль, лѣсъ. При сплавѣ на плотахъ устраиваются балаганы для кладки и плоть имѣетъ издали видъ плывучей деревушки, въ которой копошатся люди, горитъ костеръ.

На Волгѣ практикуются побѣдки на пароходахъ для отдыха, взаимныя выѣзды на дачу; благоустроенный волжскій пароходъ съ успѣхомъ исполняетъ роль плывучей дачи, которая, конечно, гораздо интереснѣе дачи недвижимой. Когда-нибудь и Енисей дождется такого-же обычая.

Даже при современныхъ условіяхъ плаванія побѣдку по Енисею, даже ради одного отдыха, можно считать интересною. Лучшій по удобствамъ пароходъ „Соколъ“, который отходитъ изъ Красноярска приблизительно разъ въ четыре—пять сутокъ.

Конечнымъ пунктомъ побѣдки изъ Красноярска являются Минусинскъ съ его мѣстнымъ музеемъ, о которомъ до слѣдующаго раза.

В. М.

Игра.

(Разсказъ).

(Окончаніе, см. № 206).

Яркое морозное утро давно уже освѣщало столовую, гдѣ разъ два подогрѣвали самоваръ и стояла горячая закуска, когда, наконецъ, всталъ баринъ. Онъ появился хмурый, желтый, съ отекавшими лицомъ и красными, кровавыми глазами.

— Пошли-ка за писаремъ, — сказалъ онъ хриплымъ басомъ горничной.

Та заюлила хвостомъ и тотчасъ побѣжала въ кухню послать десятника.

— И чего только навертываетъ, сволочь, — подумалъ баринъ со злоствою, въ другое время очень охотно щипавшій горничную за бедра, когда она пробѣжала около него.

Писарь давно занимался въ волости и былъ въ хорошемъ настроеніи. Вѣра онъ выигралъ около сорока рублей. Строча бумагами, онъ думалъ о томъ, какъ иногда пріятно поиграть въ картишки съ богатыми людьми и положить въ карманъ нѣчто такое, что бы годилось ребятишкамъ на молочнишко.

— Василию Алексичу!—сказал писарь всесильным тоном, входя к барину.

Василий Алексич молча подаль руку и приказал писарю на стул.

— Мама, чаю!—приказал барин.

Мама, с кокетливо-суетливым движением, налила стакан и поднесла писарю, опустив скромно глазки.

„Какую из себя богородицу строить, пилюхостка“, подумал барин.

— Ты какь вчера?—обратился он к писарю.

— Слава Богу-сь... рублей двадцать пять должно быть взяла,—ответил писарь.

— Такь... Везеть вамь, чертямь... завтракаль?

— Никакь нѣтъ еще... Я не завтракаю.

— Ну, давай пока поправимся по рюмашкѣ.

Баринь налил двѣ рюмки и „поправился“. Минуты через двѣ повторили.

— Вотъ что, братъ, Иванъ Еграфыч, сколько онъ у тебя будетъ народу нанимать?

— Человѣкъ около трехъ сотъ-сь,—ответил писарь и почему-то покраснѣлъ. Въ вопросѣ барина онъ почувствовал нѣчто такое, что не обѣщало ничего хорошаго.

— Такь...

— Можетъ быть и меньше, конечно,—поторохился вставить писарь.—Онъ говоритъ, что будетъ очень строго выбирать рабочихъ...

— Это я знаю... Такь... А почему съ человѣка тебѣ будутъ платить?—спросил баринъ и прищурился.

Писарь покраснѣлъ еще больше.

— По четыре-сь рубля,—сказал онъ. (Довѣренный обѣщалъ по пяти).

— Охъ, чортъ его подери, это, братъ, тебѣ тысяча двѣсти цѣлковыхъ!.. Ну, батенька, поздравляю! Это, батенька, деньги-сь!.. Ну-сь, это того-сь... Да.

Василий Алексичъ налил еще двѣ рюмки и выпилъ съ писаремъ.

— Поздравляю, батенька, Иванъ Еграфыч, поздравляю!

Писарь расцѣлывал отъ удовольствия и подумалъ уже, что его предчувствие было невѣрно.

— Да, батенька, деньги!—продолжалъ баринъ.—Ты бы, знаешь, того... не стыдно бы и со мной подѣлиться... Вѣдь это, батенька, капиталъ и прямо зря тебѣ въ карманъ лѣзетъ...

— Помилуйте, Василий Алексичъ,—вспыхнул писарь.—Я какется и такъ всегда вамъ благодарность представляю... ежемѣсячно двадцать пять рублей плачу... Помилуйте!.. Изъ какихъ же я вамъ источниковъ?

— Ну, это, братъ, пустяки,—вспыхнул въ свою очередь баринъ.—Двадцать пять—это вѣдь не ты одинъ платишь, это всѣ писаря платятъ... Такое ужъ положеніе... А тутъ тебѣ линия зря вышла. Когда же, скажи на милость, здѣсь на Олекму нанимали?

— Вотъ то-то и есть, Василий Алексичъ, что никогда... Надо же мнѣ хотя немножко силенкой позаправиться!.. Помилуйте!

— Ну, что же? Отдашь мнѣ по два, да тебѣ по два—шестьсотъ рублей, оно и ладно, братъ...

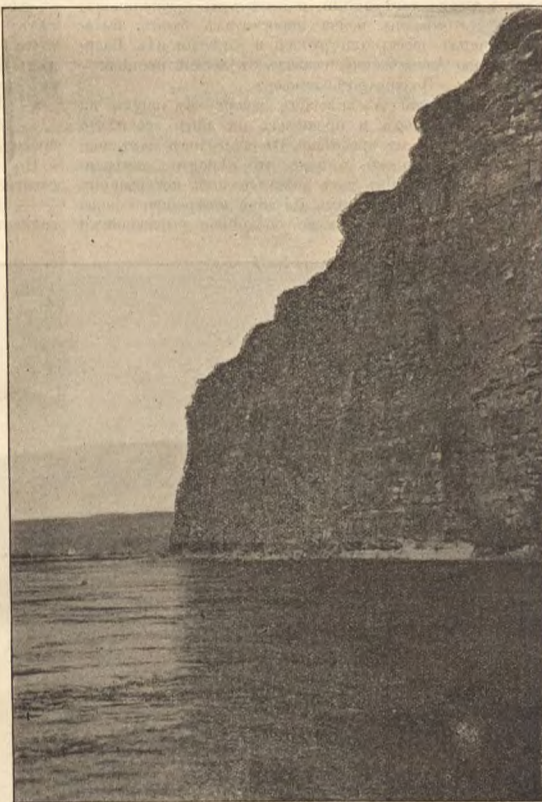
Писарь вскопчил на ноги, какъ ужаленный.

— Шестьсотъ рублей! Побойтесь Бога, Василий Алексичъ! Да это что-жъ такое? Вы меня прямо до рубахи хотите раздѣть!

— То есть какъ это раздѣть, скотина? Ты понимаешь ли, что твой языкъ болтаетъ? Дура ты этакая! Что жъ ты думаешь, нельзя на твоѣ мѣсто никого найти?!

— Помилуйте, Василий Алексичъ, какая же причина меня увольнять? У меня дѣлопроизводство хоть сейчасъ пусть обривизуютъ... Что-жъ, на самомъ дѣлѣ!

Писарь всталъ въ оборонительную позу, точно онъ ожидаетъ поединка.

Рѣка Енисей близъ сел. Улазъ.

Рѣка Енисей у устья Бирюсы.

— Обривизовать!.. Дура!.. Кто жъ тебя будетъ ревизовать и кому какая надобность тебя ревизовать? Хе!

Писарь очень хорошо понималъ, что его можно уволить, какъ дважды два четыре, и примирѣлся.

— Позвольте, Василий Алексичъ, я вовсе не къ тому... Я, конечно, что жъ... Воля въ вашихъ рукахъ...

— Ну, вотъ то-то и есть, батенька. А то хорохорится... Чудакъ!.. Давай еще протянемъ по одной.

Писарь дрожащею рукой поднесъ ко рту рюмку, выпилъ и съѣлъ, думая, нельзя-ли какъ уладить дѣло путемъ примирительной политики.

— Видите, Василий Алексичъ, я, конечно... Ну, такъ будемъ говорить: вамъ по рублю—и... хорошо-сь?

— По рублю? Ну, нѣтъ, братъ, мало, Иванъ Еграфыч! Полтора.

— Ахъ, Василий Алексичъ, ей богу, повѣрите совѣсти, я всегда вашъ слуга. Извольте по рублику, а?

— Нѣтъ, парень, мало... Вѣдь ты пойми, какую ты сумму загребешь!

— Василий Алексичъ! Будьте такъ добры! Неужели я вамъ позволяю что-либо дурное? а? Возьмите по рублику, ей Богу!

— Маловато, парень, очень маловато—Василий Алексичъ!

Писарь сталъ въ просительскую позу и склонилъ на бокъ голову.

— Маловато, другъ.

— Ахъ, Василий Алексичъ, вѣдь триста цѣлковыхъ! Довольно-сь, ей богу довольно.

— Ну, чортъ съ тобой—идетъ!—согласился баринъ и снова налилъ живительной.

— Ты видишь, братъ, это только для тебя... Не хочу ужъ я тебя обижать, вотъ что! А слѣдовало бы, парень.

— Василий Алексичъ, повѣрите совѣсти, ей богу довольно!

Дѣло уладилось къ обоюдному удовольствию сторонъ. Писарь былъ доволенъ, что отдѣлался сравнительно дешево, а баринъ сообразалъ, что, слава Богу, вчерашній проигрышъ теперь будетъ пополненъ, да еще и съ лихвой.

— Видишь ли какая штука,—началъ баринъ.—Мы вѣдь съ тобой въ сущности люди свои, а зтогъ господинъ сегодня здѣсь, а завтра уѣхалъ... Не правда-ли?

— Это вѣрно,—подтвердилъ писарь, улыбаясь.

— Ну-сь, хорошо. А почему мы такіе болваны, что онъ насъ обыгрываетъ? Съ какой стати?

— Что-жъ подѣлаешь—карта!—просто душно отъѣлалъ писарь.

— Нѣтъ, тутъ, братъ, не одна карта, а ужиме... Подставляй, пожалуй, шею-то, его не удивишь; у него карманы-то вонъ какіе.

— Дѣвнадцать тысячъ получаетъ,—вставилъ писарь.

— Ну-у?—воскликнулъ баринъ, какъ укулотый въ живое мѣсто.

— Самъ говорилъ.

— Ахъ, сволочь! Ахъ, мерзавецъ! Дѣвнадцать тысячъ! И мы, такіе оболтусы, подставляемъ ему свои тощенькіе кошельки! Да вѣдь это же идіотство!

Писарь пожалъ плечами и развелъ руками. Баринъ соскочилъ со стула и взволнованно заходилъ по комнатѣ.

— Дѣвнадцать тысячъ, а!.. Я такъ и зналъ... Дѣвнадцать тысячъ чистоганомъ! И мы, идіоты, не можемъ его обработать!

Баринъ долго ходилъ по комнатѣ и нервно дергалъ свою бороду.

— Слушай, Иванъ

Еграфыч, надо говорить дѣло. Надо намъ соединиться, и тогда мы его оборудуемъ. Ты проигралъ—я выигралъ, я проигралъ—ты выиграешь, у насъ дѣло пойдетъ колесомъ. А то что же? Вѣдь этакъ онъ насъ съ тобой по міру пуститъ.

— Чего говорить!—согласился писарь.

— Надо дѣйствовать! Надо непремѣнно и обязательно дѣйствовать!.. Славно бы еще подвального пристегнуть въ компанію, да нѣтъ, ну его къ чорту, страшный болтуша старичонко, пожалуй, еще ему выволтаешь...

— Константинъ Евдокимычъ? Это обязательно... Онъ даже про свою старуху анекдоты рассказываетъ.

— Дуракъ вообще, что тутъ толковать! Нѣтъ, ну, его къ лѣшему... Обойдемся...

Вечеромъ доверенный былъ приглашенъ къ волостному писарю, и, какъ только собрались всѣ гости, началась игра.

Сначала играли довольно вяло и каждый шелъ на прижимку. Одинъ только доверенный, какъ и вчера, былъ невозмутимъ и съ прежнимъ спокойствіемъ ставилъ куши.

Василій Алексѣвичъ еще дома старался укрѣпить себя въ необходимой твердости и рѣшилъ, какими бы то ни было средствами, обдѣлать довереннаго.

— Въ крайнемъ случаѣ, я знаю, что нужно, — думалъ онъ. — Чертъ его бей! Сорву кушъ — и молчѣть.

Онъ имѣлъ таинственно — непроницаемый видъ, какъ человекъ, сдѣлавшій новое и важное открытіе и тщательно зарывающій его отъ другихъ. Подходили къ столу и выпивали, и Василій Алексѣвичъ былъ какъ-то загадочно веселъ. Онъ съ большимъ удовольствіемъ пилъ съ довереннымъ, перешелъ съ нимъ даже на „ты“ и какъ будто не прочь былъ накачаться до зеленого змѣя.

— Надо его, подлеца, накачать, разгорячить, — думалъ Василій Алексѣвичъ. — А то ни чего не подѣлаешь.

Доверенный пилъ водку, и коньякъ, и настойки, но все это какъ-то мало на него дѣйствовало; словно на каменку лить. Но шея у него покраснѣла и въ глазахъ появилась маслянистость.

Гости играли, курили, пускали остроты. Всѣ были какъ будто веселы и всѣ думали въ сущности объ одномъ: какъ бы поглубже запустить руку въ чужой карманъ.

Часовъ въ двѣнадцать бросили стулолку и перешли на шоссѣ. Лица раскраснѣлись, глаза горѣли, и люди больше были похожи на волковъ, чѣмъ на настоящихъ людей.

Василій Алексѣвичъ, разстегнувъ сюртукъ и воротъ сорочки, металъ банкъ. Лицо его было темно-малиноваго цвѣта, пальцы ловко и искусно метали карты и ни одинъ мускулъ лица не выдавалъ того, что происходило внутри.

— Или сегодня или никогда, — думалъ онъ, зорко наблюдая за довереннымъ, который начиналъ горячиться.

Василій Алексѣвичъ выигралъ уже около пятисотъ рублей. Но ему было мало и онъ жадно и проворно тасовалъ карты.

— Надо бы свить банкъ, — подумалъ онъ. Но не успѣлъ сдѣлать этого, какъ доверенный, положивъ карту, твердо и рѣшительно сказалъ:

— По банку!

Василій Алексѣвичъ энергично ставовалъ карты, далъ срѣзать и началъ метать. Сердце его усиденно билось и къ горлу подступало что-то похожее на судорогу.

— Бита, — неожиданно сказалъ онъ. Лицо его было блѣдно и на лбу выступили потъ.

— Не-да-съ, — сказала какъ-то многозначительно доверенный, и полѣзъ за бумажникомъ. Потомъ онъ молча пересчиталъ банкъ, вытащилъ шестьсотъ рублей и, отдавая ихъ Василію Алексѣвичу, сказалъ съ легкой ироніей:

— Получите-съ, синьоръ...

Василій Алексѣвичъ мрачно взглянулъ на довереннаго и прочиталъ на лицѣ его нѣчто похожее на презрѣніе. Въ его головѣ, какъ молнія, мелькнула догадка, что, вѣроятно, доверенный замѣтилъ тотъ ловкій вольтъ, который онъ сдѣлалъ въ картахъ. Но лицо довереннаго снова приняло свое обычно спокойное выраженіе и

Василій Алексѣвичъ поблѣднѣлъ, какъ полотно, и вскочилъ на ноги.

— Ты что это такое сказалъ, мерзавецъ? — произнесъ онъ, задыхаясь отъ гнѣва.

— А то, что ты мошенникъ, шуллеръ! — отвѣтилъ доверенный.

— Ахъ ты скотина! — вскричалъ Василій Алексѣвичъ и, размахнувшись со всего плеча, хотѣлъ черезъ столъ кинуться на довереннаго, но тотъ быстро схватилъ подсвѣчникъ и, прежде чѣмъ баринъ успѣлъ махнуть рукой, онъ ткнулъ ему свѣчей прямо въ лицо.

— Жуликъ! повторилъ доверенный.

— Молчать, прохвостъ! — отвѣтилъ баринъ и бросился прямо черезъ столъ.

Но тутъ вмѣшался писарь и подвальный и схватили барина за руки.

— Василій Алексѣвичъ! Позвольте! Зачѣмъ же затѣвать скандалъ?

— Нѣтъ я ему покажу! — рвался баринъ. — Я ему задамъ!

— Довольно съ тебя, — проницески сказалъ доверенный, — за шестьсотъ рублей одинъ разъ въ рыло — чего-же надо?

— Пустите, господа! — кричалъ Василій Алексѣвичъ. — Пустите! Я долженъ съ нимъ раздѣлаться!

Доверенный надѣлъ шапку и шубу и, спокойно закуривъ папиросу, сказалъ:

— До свиданья, господа! желаю всего лучшаго.

Потомъ онъ медленно вышелъ изъ комнаты и скрылся за дверью. Въ ту же ночь онъ взялъ лошадей и уѣхалъ въ другое село, посявъ вмѣсто себя помощника.

Подвальный, писарь и остальные гости долго старались утѣшить барина. Они ругали довереннаго хамомъ, невѣждой; говорили, что такъ можетъ поступать только выскочка, выражали предположеніе, что, навѣрное онъ бывший конюхъ, а вовсе не человекъ порядочный и что только не стоило заводить скандала въ семейномъ домѣ, а то бы можно было намять ему бока, и проч. Но даже Василій Алексѣвичъ чувствовалъ, что все это одна только болтовня.

Черезъ недѣлю всѣ забыли о происшествіи и самъ Василій Алексѣвичъ думалъ уже довольно примирительно:

— А ну его къ чорту, идиота!

Такъ или иначе тѣлѣ его была достигнута: тысяча рублей новенькими „катеринками“ лежала въ карманѣ и залечивала обиду.

В. Романовъ.

Рѣка Енисей близъ сел. Улазь.

баринъ успокоился. Съ глубокимъ волненіемъ положилъ онъ деньги въ карманъ и сталъ ожидать новыхъ ставокъ.

— Давайте выпьемъ, господа! — сказалъ доверенный.

Всѣ направились къ столу и никто даже не догадывался о той молчаливой игрѣ, которая произошла между Василіемъ Алексѣвичемъ и довереннымъ. Когда, послѣ выпивки, гости пошли обратно къ картамъ, Василій Алексѣвичъ сказалъ:

— Ну-съ, господа, продолжимъ, а?

— Нѣтъ ужъ довольно, — отвѣтилъ доверенный.

— Чего тамъ довольно, давай, парень, еще! — сказалъ фамильярно баринъ.

— Я съ мошенниками не играю! — отвѣтилъ твердо доверенный и взялъ въ руки свою собою шапку.

женіе, что, навѣрное онъ бывший конюхъ, а вовсе не человекъ порядочный и что только не стоило заводить скандала въ семейномъ домѣ, а то бы можно было намять ему бока, и проч. Но даже Василій Алексѣвичъ чувствовалъ, что все это одна только болтовня.

Черезъ недѣлю всѣ забыли о происшествіи и самъ Василій Алексѣвичъ думалъ уже довольно примирительно:

— А ну его къ чорту, идиота!

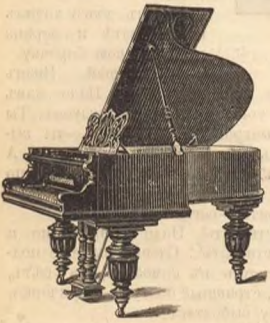
Такъ или иначе тѣлѣ его была достигнута: тысяча рублей новенькими „катеринками“ лежала въ карманѣ и залечивала обиду.

В. Романовъ.

Редакторъ-Издатель П. Макушинъ.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. МАКУШИНА въ Томскѣ

РЕКОМЕНДУЕТЪ:

Балалайки,
Примо, Пиколо Дискантъ, Альтъ,
Секунды, Басъ, Контръ Басъ.

Мандолины,

Гитары,

Скрипки,

Альты,

Виолончели.

Въ большомъ выборѣ:

Рояли и Пианино

Петероурскихъ и заграничныхъ фабрикъ

Я. Беккера,
К. М. Шредера,
К. Гетце,
Г. Леппенбергъ,
П. Смигтъ,
Ф. Мюльбахъ,
Оффенбахеръ и друг.

Разсрочка на льготныхъ условіяхъ.

Самограюще инструменты:

Калліопе,
Интонъ,
Симфоніоны,
Фортуны,
Монопаны,
Флейты,
Кларнеты.
Гармоніи ИТАЛЬЯНКИ.

Иллюстрированный прейсъ-куррантъ высылается безплатно.

Дозволено цензурою. Томскъ, 18-го сентября 1903 года.

Паровая типо-литографія П. И. Макушина.